

V
Вир
ВИТАЛИЙ

АНУШ

ДЛЯ ИСКУШЕНИЯ

Виталий Вир

Ануш для искушения

«Автор»

2011

Вир В.

Ануш для искушения / В. Вир — «Автор», 2011

Ануш – молодая девушка, с поступлением в Кембриджский университет, воплощает в жизнь заветную мечту родителей. А вскоре она трагически погибает. Но происходит так, что ей дается возможность заново пережить важные для нее события. Воспоминания же должны выстраиваться последовательно, а в итоге логично подводить к трагическому событию. С началом просто воспоминаний, постепенно Ануш начинает путь самопознания, что позволяет ей по-другому взглянуть на действительность. Она заново свидетельствует свои чувства и те явления, которые определяли ее судьбу. В какой-то момент она понимает, в чем состоит для нее радость жизни и Ануш открывает для себя истинные ценности. Вместе с тем, она замечает, что события, на первый взгляд случайные, последовательно происходят именно те, которые в конечном итоге играют главную роль в жизни. И если вовремя это понять, то можно для себя найти гораздо больший смысл, нежели просто участвовать в том, что случается с тобой. Теперь в такой мере понимая суть происходящего вокруг себя, Ануш видит, как она при жизни интуитивно старалась воплощать все то лучшее, на что была способна. Но, предотвратит ли это разрастание той критической массы людей, от которых зависит будущее на Земле (к чему Ануш имеет непосредственное отношение, побывав на раскопках, где жили Майя)? А ее новое понимание материального мира, послужит ли исправлением той ошибки, которую она допустила во время раскопок? Сможет ли Ануш после всего, до конца понять свою сущность? А благодаря ее собственной эволюции, станет ли это началом лучшего, благодаря чему, она достигнет невиданных для себя вершин самопознания?..

© Вир В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Интервью с Виталием Виром	6
От автора, или несколько слов читателям	8
От издателя	9
Пролог	10
Глава первая (стр. 8)	11
Глава вторая (стр. 13)	15
Глава третья (стр. 21)	19
Глава четвертая (стр. 34)	27
Глава пятая (стр. 55)	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виталий Вир

Ануш для искушения

Интервью с Виталием Виром

Дата рождения: 24.01.70

Что подвигло к занятию творчеством?

– Желание отдохнуть от рутины. Я бизнесмен и в творчестве описывал то, что я видел и за чем наблюдал. Так родились автобиографические рассказы и очерки. По этой же причине появились стихи и песни.

Почему вы написали эту книгу?

– Каждый, кто создает качественно новые материальные ценности, априори создает духовные. В какой-то момент этого «материала» накапливается много, но он разбросан в виде отдельных дел и мыслей. Вот тут-то и приходишь к необходимости создания единого пространства, в котором умещается все субъективное понимание происходящего с тобой и вокруг тебя. Это превращается в историю и становится либо книгой для взрослых, либо сказкой для детей.

Вас не останавливало то, что уже создано много книг?

– Нет! По одной простой причине: каждый автор из одной и той же исходной ситуации вынесет свой результат. И еще это сильно увлекает!

Чем так увлекает занятие творчеством в отличие от бизнеса?

– Конечным результатом, где моя личность придает продуктам творчества дополнительную ценность, что в меньшей степени заметно в продуктах производства.

Кто вы по профессии?

– Юрист. Стал им «благодаря» учебе в военном училище. Не в прямом, конечно, смысле. После окончания школы я поступил в Омское танковое высшее инженерное училище. Кстати, таких военных училищ в СССР было всего два: в Омске и в Киеве. Скорее всего, и поступал из-за престижа, да близости к родному дому. Но во время учебы я по-настоящему понял, что значит для меня дух свободы. А, как вы понимаете, с этим в армию ну никак нельзя. Также я понял, что с этим вообще нигде нельзя во взрослой жизни. Но, чтобы получить хотя бы относительную независимость, по прошествии двух лет учебы в военном училище я поступил в Омский государственный университет. Ведь профессия адвоката – это независимый профессиональный советник по правовым вопросам.

Достижения, титулы.

– В литературе к наградам не стремился, на премии не номинировался. У меня из титулов – только оформленные мною титульные листы всевозможных документов.

Чем занимаетесь, когда не пишете?

– Сплю.

Что любите больше всего, о чем хотелось бы говорить?

– Более всего о трех дочерях.

Ваш звездный час настал?

– Час, думаю, нет. Но, как и у каждого, были звездные минуты и секунды!

Запомнившийся провал.

– Не скажу! По одной простой причине – не помню. Потому как не запоминал и не буду запоминать. Зачем?

Что более всего ненавистно?

– Мысли о том, что занятия спортом отнимают время.

Хобби, увлечения.

– Нерегулярный, к сожалению, спорт. И страсть как люблю путешествовать и фотографировать.

Ваши планы на ближайшее время.

– Издание еще двух романов. Также я включился в работу по иллюстрации моих двенадцати сказок в стихах и одной сказки в прозе: эти произведения тоже ожидают выхода в свет.

Официальный сайт Виталия Вира – www.vitwir.com

От автора, или несколько слов читателям

Эта книга – история о молодой девушке. Одной из тех, кто начинает любить задолго до того, как находит объект желаний, потому что еще при рождении у всех девочек заложен смысл жизни – быть влюблённой. Она вырастает и уже стоит на пороге взрослой жизни, где готова стать известной, удачливой, устремиться в будущее и стать профессионалом – единственным в своем роде, способным открыть таинственные стороны прошлых империй.

Но что ожидает ее в будущем? Каким оно будет? Это ли то, чему стоит посвятить всю себя? Именно в этот переходный момент меж юной и взрослой жизнью она в наши дни становится невольным свидетелем дня завтрашнего. Это способствует созданию у неё целостной картины современной жизни, которая не укладывается в ее прежнее детское представление о мире. Обстоятельства вынуждают ее взглянуть на жизнь по-новому и оценить роль в современном мире отдельного человека, у которого не остается другого выбора, как полностью перевоплотиться, буквально до неузнаваемости, и все только ради того, чтобы выжить, не более...

И когда перед героиней встает выбор, она примет единственно правильное и очевидное для нее решение без колебаний, руководствуясь заложенным в нее смыслом жизни – быть влюбленной.

От издателя

Рукопись этой книги была, найдена, издателем в почтовом ящике. Она обратила на себя внимание необычным видом страниц – цвета слоновой кости, крепких, потертых. Как потом выяснилось, это был пергамент. И еще необычным было то, что рукопись написана от руки. Кто сейчас пишет от руки? Словом, все это было довольно странно. И, как это бывает, глаз, зацепившись за необычное, находит его даже в мелочах. Например, страницы были пронумерованы лишь те, с которых начинались главы. Но при попытке сделать сквозную нумерацию страниц рукописи, чтобы, убедиться в ее полноте, выяснилось, что нумерация не совпадает. Мы, не нашли объяснения такому расхождению, и поэтому на всякий случай даем в начале каждой главы их нумерацию согласно рукописи – вдруг это что-нибудь да значит.

Пролог 2010

«Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни...»

Иак 1:12

Менее года назад я успешно окончила школу и переступила порог, за которым меня, как и всех моих сверстников, подстерегала Взрослая Жизнь. Ежегодно она охотится за каждым из нас, чтобы подвергнуть *Искушению*. Взрослая Жизнь не случайно выбирает именно этот момент. В то время мы молоды, беспечно расположены ко всему новому и нам от чистого сердца хочется наслаждаться прелестями Взрослой Жизни.

Менее года назад я охотно погрузилась в нее. Я искренне верила в соблазнительные перспективы свободы, где уже никогда не будет места строгим правилам моих родителей.

По стечению обстоятельств – как моих внутренних желаний, так и удачно складывающихся для этого условий – за неполный год, прошедший с момента окончания школы, я успела познать, пожалуй, самое главное – чувство глубокой, до самоотвержения, привязанности к другому человеку. Мне удалось вкусить подобное ощущение сполна. Я смогла понять это, потому как неукоснительно последовала за искушающими меня чувствами.

В то время об *Искушении* я не думала. Я просто жила. И уж тем более не воспринимала *Искушение* как испытание моей веры в светлые и темные проявления нашей жизни (о чем мне всегда говорил отец). Да и в моей речи всего-то пару-тройку раз и прозвучало это слово – *Искушение*.

Ныне, на сороковой день после моей смерти, перед тем как отправиться на Небесный Суд к Господу, я задаюсь вопросом: «В последнюю минуту жизни – могли искушать меня смертью Светлые силы сродни черному соблазну со стороны темных духов?» Я не знаю. Но теперь, уже после нее – после моей смерти – я осознала цену обольщениям темными проявлениями жизни.

То, как я поступила, безвозвратно перечеркнуло для меня все, чем я жила. Но я не жалею о последнем шаге. Без колебаний я еще раз поступила бы так же.

Глава первая (стр. 8)

Первый день новопреставленной

Чувства чрезвычайно остры после смерти, они не ослаблены, наоборот – укреплены, потому как душа продолжает жить. Я помню все, что было раньше: и дела, и мысли, и слова – и ничего не могу забыть. Надежда, радость, страх, скорбь – все это я чувствую так же, как и при жизни. Нет, скорее, чувства обострились.

Мне захотелось многое забыть, чтобы Господь ненароком не прочитал мои мысли, но это оказалось невозможным.

Несмотря на произошедшее со мной, я впервые чувствовала себя хорошо, как никогда в жизни. Человеческий язык не в состоянии передать ощущение свободы, легкости и умиротворения, переживаемое мной сейчас. Непонятно, откуда оно взялось во мне, но я понимала, что нахожусь в Обители Вечного Блаженства.

Я воспринимала себя, как если бы живой стояла во весь рост. Сквозь белесую полупрозрачную дымку я посмотрела на свое тело. Освещаемое позолоченным вечерним светом, оно лежало на спине посреди холла в центре индийского ковра ручной работы, окруженное врачами.

Специалисты «скорой помощи» продолжали предпринимать одну попытку за другой, чтобы вернуть жизнь моему телу.

Никчемная, по-моему, суета, царившая там, отсюда никак не воспринималась. Скорее, оно находилось весьма далеко от меня, в каком-то другом измерении, где-то параллельно со мной и настоящей именно тут.

До этого момента я никогда не видела себя со стороны. Отражение в зеркале не дает возможности рассмотреть себя как кого-то другого. И все же теперь я не спешила бросить взгляд на лицо.

Взор перемещался с черных лакированных туфель на летний брючный костюм и обратно. Невысокие каблочки отлично гармонировали с легкой тканью черного цвета... Я никак не могла решиться и поднять глаза выше.

Интересно, а что может сказать обо мне мое тело? Мне казалось, что оно обычное. Если, конечно, не говорить о талии как о чем-то сверхъестественном. И все же, на что укажет мое тело (немногим выше среднего роста)? Допустим, укажет ли на мою принадлежность родилась

восемнадцать лет назад именно в такой семье и до обучения в университетском колледже для чего-то усердно воспитывалась в вере к Господу.

Взгляд скользнул наконец на лицо. Ожидала ли я увидеть что-то новое? Лицо у меня овальное и слегка загорелое. Из всех частей тела оно наиболее привычно для меня. Но теперь я не вижу глаз. Они не смотрят на меня, как ранее в зеркале. Мне стало интересно разглядывать черты лица при сомкнутых веках. У меня среднестатистическая внешность. Вопреки широко распространенному мнению об этой внешности, я всегда считала её красивой. В одном из журналов «Нейчер» ещё в 1878 году провели эксперимент – взяли несколько различных фотографий и наложили их друг на друга. К своему удивлению, исследователи обнаружили – полученное среднестатистическое лицо оказалось более привлекательным, нежели исходные фотографии, а значит, оно являлось красивым.

Я шатенка с волнистыми волосами; у меня прямой, еле вздернутый носик, а губы – чуть пухлые; шея – стройная; выражение лица – усталое. Глаза – довольно большие. Я всегда любила их и когда-то видела карими.

– Покой тебе, Душа моя! – раздался чей-то мягкий голос за моей спиной.

Я обернулась. Невдалеке кто-то опускался сверху ко мне в холл. В эту секунду я почему-то узнала в нем моего Ангела-Хранителя. Глаза его смотрели на меня с любовью, и он умиротворенно улыбался. Длинные белоснежные волосы легли на плечи, когда он окончательно спустился. Происходящее мне напомнило одну из картин, где изображен ангел. Странно, но именно такую картину я уже когда-то видела при жизни. А может, он являлся ко мне во сне?

Мое внимание увлекло его одеяние, длинное, до пят, из очень тонкого виссона цвета молнии, подпоясанное золотой лентой. От полупрозрачного одеяния веяло легкостью, а под ним угадывался силуэт красивого юноши. В эту секунду я подумала, что скорее всего, как и обычно, мыслю земными мерками и по привычке, словно подсознательно, принимаю ауру Ангела за одежду.

– Я знал этот год, этот день, этот час. Он для тебя настал.

Я полностью повернулась к нему:

– Ты тот, с кем я мысленно общалась, прежде чем принимать решение?

– К моему сожалению, нет. Нам нельзя общаться с вещественным, телесным миром на земле. Но ты права, я твой Ангел-Хранитель и отныне могу говорить с тобой.

– В чьей мне суждено быть власти?

– У тебя особые отношения с личным демоном. Но он отвечает за тело тьмы. Встречать же могут Ангелы-Хранители, как ответственные за тело Света.

Толком я ничего не поняла, лишь подумала: «Что теперь?»

Ангел Божий продолжал умиротворенно улыбаться и отвечал:

– С третьего дня после смерти, возможно, ты снова будешь в его власти. Я думаю, ему уже сейчас не терпится сделать это.

– Ты знаешь обо всем, что меня ожидает?

– Ты можешь задавать вопросы.

Мне была знакома моя же манера отвечать уклончиво. Я спросила определенной:

– А эти три дня?

– Они отданы для наслаждения относительной свободой. Ты можешь находиться ответное время у тела, а можешь посещать дорогие для тебя места на земле.

– Я смогу увидеть себя маленькой?

– Сможешь. Наблюдать за тобой маленькой – это интересно. Можешь мне поверить.

– На третий день я лишусь видения прошлого?

– До сорокового дня после смерти ты можешь пребывать в любых воспоминаниях, если они важны в твоей жизни. Воспоминания должны быть выстроены последовательно и логично приводить тебя ко дню твоему последнему на земле.

– Логично?

– Поочередно проходя важные, на твой взгляд, моменты Земного Пути в воспоминаниях, оставайся тем, кем ты была при жизни. Запомни... – тем, кем ты была при жизни. Иначе воспоминания будут прерваны, и ты будешь предана пути Мытарств.

– Сорок дней ты будешь со мной?

– Нет, скоро я покину тебя. Присматривать за тобой уже незачем.

– Мы еще встретимся?

– Ты больше ни о чем не хочешь спросить меня?

В ответ я удивленно подняла глаза. Мне было хорошо, и все казалось понятным, но Ангел-Хранитель продолжил:

– В последнее время для тебя чужд примитивизм обычного материалистичного мышления. Но я должен рассказать о твоём ближайшем сорокадневном пребывании, после которого тебе назначат место до воскресения мертвых. Собственно, за этим я здесь.

Ангел-Хранитель поведал, что если я выбираю путь Сорокадневных Воспоминаний, то это может стать опасным свидетельством против меня перед Господом. С первых минут воспоминаний душа заново и более остро зафиксировывает добрые и злые мысли.

Был и второй путь. Путь Мытарств. Следуя по нему, на третий день душа проходит через легионы злых духов. Они преграждают ей путь и обвиняют в различных грехах, куда сами же и вовлекли. Пройдя одно Мытарство, тут же попадаешь в следующее. По словам Ангела, воистину ужасен третий день для души усопшего. Но если пройти успешно через Мытарства (не будучи ввергнутым на 37 дней в огненную геенну), то на протяжении оставшегося до сорокового дня срока можно посещать Небесные Обители и адские бездны. При этом никто заранее не знает, где он останется.

Оба пути сводились к одному – к рассказу о скрытых помыслах человека и тайных мотивах его поступков. А в конце сорокадневного пути на Небесном Суде назначалось дальнейшее место пребывания до воскресения мертвых – или Небесные Обители, или адские бездны.

Ангел заметил, что спустя сорок дней некоторые души оказываются в состоянии предвкушения вечной радости и блаженства, а другие – в страхе вечных мучений, которые окончательно начнутся после Небесного Суда. До этого всем новопреставленным последний раз дается возможность изменить состояние души.

Ангел-Хранитель пожелал сделать немучительный для меня выбор, попрощался на сорок дней и удалился. Я оказалась наедине со своим телом и врачами, оставившими попытки вернуть меня к жизни...

– Я забыла спросить: здесь, в доме, мне суждено умереть одной? Все же смогла или нет я это сделать? – спросила, когда опомнилась, но было слишком поздно.

С появлением Ангела-Хранителя и на протяжении общения с ним я ощущала легкость, впервые испытывая чувство полнейшего блаженства. Но теперь, осознавая не очень радужные перспективы сорокадневных хождений, я должна была выбрать один верный для меня путь из двух.

Глава вторая (стр. 13)

Ануш. «Дыхание утра»

Из-за моих долгих сборов мы уже опаздывали в аэропорт. Наконец-то я плюхнулась на заднее сиденье нашего «ретро» – авто, где смогла немного перевести дух. На миг я закрыла глаза и повернула голову, подставив лицо ясному утреннему солнцу, предалась радости первых лучей.

Сегодняшним утром я была счастлива, как никогда. Мне казалось, что словно специально для меня родная Великобритания сегодня выглядит более живописно: страну украшал свет яркого лучистого солнца, и это позволяло ей, усеянной дикими цветами, в разноцветных деталях подчеркнуть выразительность.

Отец закончил возню с моим единственным чемоданом, определив ему место в постоянно заставленном багажнике, и сел за руль раздраженным. Посетовав на маму (она долго канителилась с ремнем безопасности и до сих пор не пристегнулась), отец резко рванул с места.

Проворно вырливая, папа выбирался из узких и кривых улиц, до сих пор уцелевших в старой части города. Так было проще добраться до автострады. Мы жили на окраине этой старой части в современном здании, а далее за нашим домом начинались просторные улицы, большие площади, красивые и величественные сооружения, построенные недавно.

Хотя и весь город в целом гармонировал с окружающей природой, мне больше нравилась его старинная часть. Изначально построенная в норманнском стиле, в настоящий момент она представляла собой готику с несколькими часовнями и кафедральным собором – главной изюминкой наследия прошлого.

Мы проносились мимо строгих каменных строений, а я пыталась напоследок зацепить взглядом прекрасно оформленные старинные разномастные окна.

Я ощутила, как душа с новой силой переполняется радостью. Мне предстояло в первый раз покинуть родителей и впервые в моей жизни отправиться в самостоятельную поездку.

Я не могу сказать, что в этом случае я более радовалась предстоящему расставанию, нежели самой поездке. Но отец всегда был со мной строг, а мне вечно приходилось отзывать его о нем хорошо. Будучи блистательным учителем начальных классов, он на славном счету в городе и о нем всегда говорят ладное. Мое отношение к нему сформировалось в том числе и после того, как я, взрослея, понимала, насколько он оберегает меня от любых встреч с мальчиками. Собственно, никаких встреч и не было. Отец панически боялся моего первого раннего поцелуя со сверстниками противоположного пола, предполагал, что это сразу же и неминуемо приведет меня к первому сексуальному опыту. Родительское желание оберегать меня в детстве с годами в нем только усиливалось и обрело еще одни рамки, где забота распространилась на мои отношения с мальчиками. Из-за этого были моменты, когда он буквально паниковал. Похоже, отец руководствовался в большей степени паническим страхом, когда настаивал на учебе исключительно в школах для девочек. Однако пояснял мне только о целесообразности учебы в подобных учебных заведениях. А мама... Хотя она и работала медсестрой и весьма искренне выражала сочувствие к пациентам, все же ей казалось, что особое проявление любви ко мне – это излишество. Но, как бы то ни было, я им благодарна. Правда, мне жаль, что силы во времена моего детства, подросткового периода и ранней юности они растратили в большей мере на то, чтобы я получила блестящий аттестат зрелости.

Их мечта сбылась: мне суждено было стать студенткой первого курса Кембриджского университетского колледжа. Конечно, не стану говорить, что я этого не хотела вместе с ними. Но, по-моему, не так уж правильно жить исключительно ради этого.

Хотя как раз с поступлением в университетский колледж и связана поездка, способная меня осчастливить. Поэтому я считаю, что Господь и меня не обделил искренней радостью по поводу моего зачисления на первый курс. Целый месяц я смогу пожить без ежедневной необходимости учиться, без обязательного посещения церкви по выходным и без неминуемых регулярных нравоучений родителей. И пусть не очень обижается на меня Господь, что я хочу провести некоторое время без неизменных церковных визитов по выходным.

Даже и не знаю, то ли и впрямь пути Господни неисповедимы, то ли просто действует уже привычная для нас фраза – «мысль материальна», но я всю сознательную жизнь мечтала поскорее стать самостоятельной (и непременно сразу же после получения аттестата зрелости). Мне представлялось, как я начинаю самостоятельную жизнь, выстраивая ее в соответствии с моим темпераментом, со способностью самой противостоять неприятностям, где я стану черпать уверенность исключительно в себе. И никто мне не будет говорить, что я ошибаюсь, даже если это на самом деле так.

Так сложилось, что я попала в состав археологической экспедиции. От музея археологии и антропологии Кембриджского университета уже месяц как работала экспедиция в стране майя. Один из ее участников заболел инфекционной болезнью, мононуклеозом, и вынужден был вернуться в Англию. Экспедиции же предстояло работать еще месяц, и ему понадобилась замена. В состав летней экспедиции не обязательно должны входить студенты, представляющие университетский колледж археологии и антропологии, как я. Участником мог стать любой желающий. На территории Кембриджского университета насчитывается 31 колледж; в них проходят обучение 13 000 студентов, но предложение «экстренной замены» поступило именно мне, и я с удовольствием согласилась, чего не могу сказать о родителях. Они не разделили мой восторг да и не очень-то обрадовались моему столь самостоятельному раннему шагу.

Тем временем папа удачно справился с поставленной для себя задачей: проехал быстрее, чем планировал, по городу и набирал предельно допустимую скорость на автостраде. Благодаря его действиям стрелка спидометра замерла на 70 милях в час (около 110 километров в час), и мы устремились в аэропорт.

Подобными мыслями я, наверное, радовала нашу машину с восемнадцатилетним стажем. По сей день родители не могли, а скорее – не желали расставаться с ней. Теперь и представить

тяжело, что они вообще ее когда-нибудь продадут. Пожалуй, это то же самое, что они расстались бы со мной навсегда.

Наш «Ягурчик», как я называла его ласково, является моим ровесником (день в день), если считать днем рождения машины день ее продажи первому владельцу. Папе с мамой «Ягуар» подарили их родители в честь моего долгожданного появления на свет.

Я родилась в Оксфорде в христианской семье. Руководствуясь «зовом предков», меня назвали Ануш. В переводе с армянского означает «Дыхание утра». Мои родители – выходцы из Армении, Великобритания для них – вторая родина. Отец всегда немало говорил об Армении и наших семейных корнях. С годами я стала воспринимать подобные рассказы не иначе, как назойливые. Он любил родину предков, а поделиться чувствами мог только со мной и с мамой. Так случилось, что после меня мама не могла больше иметь детей.

К моменту зачисления меня в учреждение дошкольного образования семья переехала в соседний с Оксфордом Челтенхем. После весьма успешного окончания учреждения для девочек в семь лет мы переехали в городок на берегу пролива Ла-Манш. Найдя свое место, родители больше не переезжали.

Воспитываясь в довольно набожной семье, я постоянно ходила на службу. А наша христианская вера являлась главной причиной переездов. По словам отца, многие британские христиане давно испытывают дискриминацию из-за религиозных убеждений. Особенно в наши дни, несмотря на то что Британия – это преимущественно христианская страна: более 70 % граждан исповедуют эту религию.

Так, переезжая, мои родители пытались оградить себя от ненужных трений с соседями, знакомыми, да и просто коллегами по работе. Последний наш переезд вообще продиктован абсурдным случаем. В месте, где работала мама, отстранили от должности больничную медсестру за предложение помолиться о больном по-христиански.

Я же из-за особой набожности родителей, а отсюда – наших регулярных посещений церкви, с малых лет являлась объектом насмешек со стороны сверстниц, куда бы меня ни перевозили. Родители знали об этом, но наивно полагали, что в учебных заведениях исключительно для девочек я смогу избежать подобного. По крайней мере, так они мне отвечали, когда я спрашивала, почему я не могу учиться в смешанной школе.

Смирение в христианской вере не позволяло мне спорить с родителями, но такого рода молчание еще в детстве ввергло меня в нелюбовь к некоторым девочкам. И я бы сказала, что очень рано испытала к таким особам не что иное, как чувство ожесточения. В силу толерантного воспитания верой я вынужденно таила такое чувство в себе. Иногда это приводило к какому-то подростковому внутреннему негодованию.

Подобное же никоим образом не отражалось на учебе. В нашем последнем пристанище у пролива Ла-Манш я поступила в школу для девочек и, вероятно, в силу места моего рождения нацелилась на не менее элитный вуз – Кембридж.

Документы в университет Кембриджа я подала за год до окончания школы. По предварительным оценкам педагоги прогнозировали, что я смогу получить отличный результат на выпускных экзаменах. Вскоре меня пригласили в университет на интервью. Некоторые вопросы тогда мне показались странными. Например, по отрывку текста меня попросили описать картину, которую бы я нарисовала на этом «материале». Тогда еще мне было невдомек, что для педагогов Кембриджа важна моя способность к четкой аргументации и собственная точка зрения на любую предложенную тему. Как бы то ни было, интервью я прошла блестяще. Меня только предупредили, что если через год я получу оценки ниже заявленных, то меня ждет автоматическое отчисление. Нависала еще одна проблема – моя семья не очень богата.

На следующий год я все же получила уведомление о зачислении. Меня привлекли к учебе в Кембриджский университетский колледж как способную студентку из небогатого слоя общества по специальной программе оплаты обучения.

* * *

В аэропорту все прошло быстро. Мы повторили суету при сборах и сам отъезд из родного дома. Я не успела толком попрощаться. На регистрации меня одну и ждали. Если можно так сказать о последней минуте, когда регистрация на рейс «Лондон – Мехико» закончилась.

Наскоро расцеловавшись, я побежала по лабиринтам к самолету, оставляя за собой расстроенных родителей и воспоминания у них о себе убегающей.

По дороге в аэропорт мы так и не перекинулись ни словом. По виду родителей можно было сказать, что они переживали чуть ли не боль утраты. Для них оказалось так все быстро законченным в моем воспитании, что они не подготовились к переменам в нашей совместной семейной жизни. Они не знали, как себя вести в новой ситуации, когда я смогу вот так вот запросто сказать: «Я уезжаю туда-то потому-то», – а им при этом нечего возразить. А если бы они смогли, то не набралось бы достаточных аргументов для запрета, особенно учитывая, что пришлось бы необоснованно отказывать университету.

Глава третья (стр. 21)

Предшествование

– Привет! – не очень громко окликнула я парня, безумно стесняясь присутствующих.

Я пробиралась к нему в толпе прибывших, и мне был виден только его затылок. Он стоял с белой табличкой на палочке, где черными печатными буквами было изображено мое имя, а от руки красовалась приписка на латинском языке: «*Hinc lucem et poculas sacra*». Данная надпись является девизом Кембриджского университета: «От этого места мы приобретаем просвещение и драгоценное знание». В шумной суете аэропорта имени Бенито города Мехико, вероятно, молодой человек меня не услышал и продолжил стоять странным образом. Табличка в его руке «смотрела» в сторону прибывающих, а сам он стоял спиной к нам и, скорее всего, что-то читал.

Пока я продвигалась к нему, диктор закончила длинное объявление на испанском и английском языках. Как можно ближе я подошла к спине встречающего парня и спросила:

– Ты не меня ожидаешь?

– О, извини! – спохватился он. Я увидела в другой его руке книгу. Он опустил ее и спешно повернулся ко мне. – Если тебя зовут Ануш, то я тебя заждался.

Я не поверила своим глазам! Он был так похож на актера Зака Эфрона, что для меня подобное сходство казалось невообразимым! Отчего я пребывала в замешательстве.

– Э-э-э, как тебя плющит из-за моей внешности, – говоря, он скривил уголок рта и посмотрел мне в глаза, а потом добавил: – Наверное.

Я настолько поразились такой случайности, что практически потеряла дар речи.

– Ну да, – разочарованно продолжил он, – не книга же тебя удивила в моей руке. На, кстати, держи ее! Да и транспарант с именем заодно. Я помогу тебе с чемоданом.

– Но он тяжелый, – ляпнула я какую-то ересь, почему-то мне стало неудобно пользоваться его помощью.

– Идем! – скомандовал он, ехидно усмехаясь, и протянул полушепотом: – Околдованная не моей внешностью.

С табличкой в одной руке и с книгой в другой я засеменила вслед за ним, боясь отстать и затеряться в толпе. Встретивший меня парень шагал спешно, крепко удерживая пальцами вытянутую ручку моего чемодана, давая тому катиться на колесиках.

Я посчитала, что мне необходимо продолжать общение. Решила вести себя так, как будто ничего не произошло, чтобы не выглядеть в его глазах такой нелепой. Мне хотелось прийти в себя, потому и отважилась на непринужденную беседу. Мысленно я соизмерила предстоящую интонацию с гулом множества голосов и выкрикнула вдогонку ему:

– А у тебя есть имя?

– Зак!

В то же мгновение я замерла на месте как вкопанная.

Он, вероятно, перестал слышать стук моих каблучков, остановился и повернул голову в мою сторону.

– Да идем уже! – выразил он пожелание и, по-моему, недовольным тоном. – Это обычная моя шутка. Если хочешь – тест на степень очарованности им.

Я снова устремилась за ним. Он зашагал как прежде, но теперь продолжил общаться. Слова ему приходилось говорить громче, тогда я могла слышать за его спиной.

– Да расслабься, наконец. Я обычный студент, как и ты. Только отличаюсь от тебя годом учебы в стенах альма-матер.

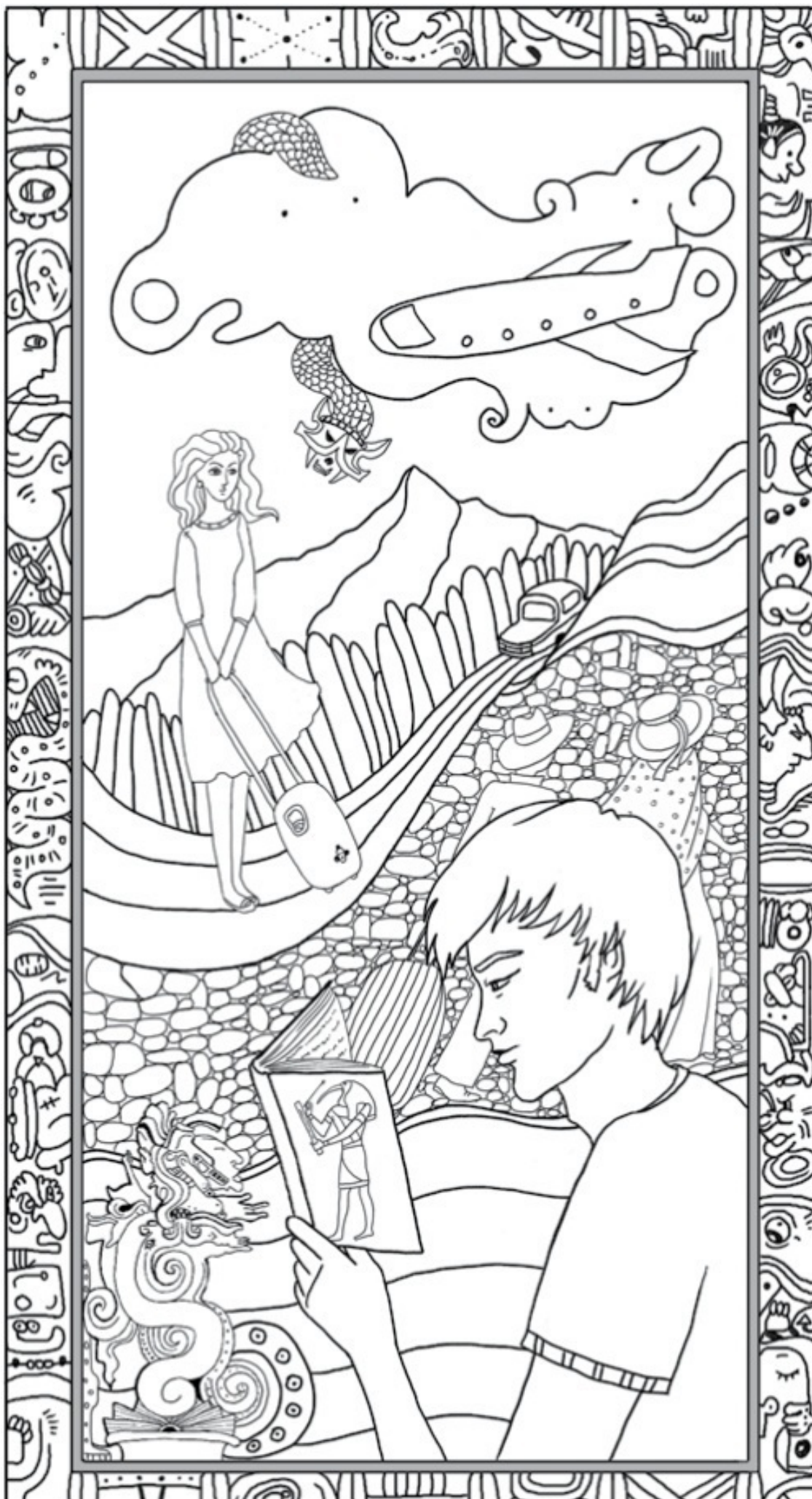
– Извини, но ты так похож, – обрадовалась я, что у него нет на меня обиды.

– У тебя свежая мысль, – сказал он и замолчал уже надолго.

На улице мне не удалось поравняться с ним. Я продолжала поспевать за катившимся на колесиках чемоданом, в то же время мне еще раз хотелось взглянуть на него основательно. Пауза в общении затянулась: ему явно не хотелось продолжать разговор не о нем. Я укорила себя за столь неловкую ситуацию и решила продолжить знакомство, но уже с этим парнем: без упоминаний о сходстве. Благо, на улице не надо было напрягать голосовые связки для общения.

– Все же, как тебя зовут?

– Ллойд. Можешь называть просто Ло.

Как и прежде, мне ужасно хотелось говорить о его сходстве...

Чтобы не искушаться подобным разговором и найти новую тему для поддержания беседы, я взглянула на его книгу.

– «*Ra nu nэрэт эм хэру*» — зачитала я вслух название его книги. – Так увлекательна, что ты не расстанешься с ней ни при каких обстоятельствах?

– Мне так удобно. Уткнулся в книгу, и никто на меня не пялится, нет расспросов о Заке в моем лице.

– Извини.

Ллойд не ответил и продолжал шагать, увлекая меня за собой. Его раздражение от сходства было *налицо*. Над последним словом (конечно, не произнесенным вслух) я посмеялась про себя. Я подумала, как хорошо, что он не видит улыбку на моем лице после высказанной обиды о сходстве. Действительно, наверное, тяжело, когда тебя сразу же не воспринимают как индивидуальность. А ему через чей-то, я думаю, совершенно неважный для него образ приходится возвращать внимание к себе. И так каждый раз...

– Я пишу работу по схожей с книгой тематике, – обыденно ответил Ло.

То ли из-за засевшей во мне неловкости при знакомстве, то ли из-за сходства, а может, он просто мне понравился, но я захотела, чтобы между нами возникли приятельские отношения.

– А название уже есть у твоей работы?

– Пока рабочее – древнеегипетский погребальный культ и его духовное оформление.

– Ничего себе!

– Да, очень увлекательно.

Ло свернул на стоянку машин. Я засеменила за ним и дальше.

– Почему Египет? Коли мы на земле майя, можно было подумать, ты майянист.

– Почти все окружающее нас от, к примеру, пива до скальпеля – родилось в Египте. Поэтому Египет мне ближе. А майя – моя вторая любимая тема.

– Книга дословно переводится как «Главы о выходе к свету дня» или, как принято, «Древнеегипетская книга мертвых». Гимны Богам, обращение умершего к духам, заклинания, амулеты и обереги – это далеко не скальпель с пивом.

– А ты, как я погляжу, знакома с произведением. Значит, у нас есть как минимум одна на двоих точка соприкосновения, – Ло остановился у припаркованного пикапа, и я увидела его очаровательную улыбку. – Все, пришли. Дальше поедem.

Когда мы с Ло покатали на машине, я узнала, чем мне предстоит заниматься. Ло рассказывал, а я, наверное, неумело украдкой пыталась его разглядеть. Мне казалось, он захвачен своими пояснениями. Ло действительно излагал интересно, увлекая собеседника.

Оказалось, в том месте, где идут основные раскопки, в одном из заброшенных городов майя обнаружена каменная стена с огромным количеством значков-иероглифов и загадочных рисунков. По некоторым неплохо сохранившимся фрагментам экспертный совет археологов смог установить точное место, запечатленное на одном из каменных изображений.

Удивительно, но на рисунке красовались развалины знакомого им храма близ Мехико в том виде, в котором мы можем лицезреть руины сегодня! Еще там указано точное место захоронения человека, продавшего душу сатане. Согласно серии зловещих рисунков голова человека превращалась в саблезубый череп с рогами. В точности такие останки человека с рогатым черепом и нашла одна из экспедиций археологов 21 января 1997 года и непосредственно в том же самом месте. Найденные останки ничем не отличались от строения скелета человека, кроме головы. На его черепе застыли ужасающего вида рога, а массивная челюсть увенчана множеством саблеобразных зубов. Еще настенный рисунок украшали нарисованные амулеты вокруг изображения останков человека с рогатым черепом, а края пестрили массой иероглифов.

Потому как письма майя до сих пор точно не расшифрованы, совет принял решение направить к развалинам небольшую группу и еще раз осмотреть место захоронения. Интересно понять, в какой мере рисунок связан с захоронением.

Ло вызвался помочь молодому, но весьма перспективному 24-летнему научному сотруднику Кембриджского университетского колледжа археологии и антропологии. Меня же по приезде решили оставить в их компании в качестве еще одного помощника.

Что до моего к этому отношения, то я была весьма заинтригована и ничуть не напугалась. Хотя Ллойд, кажется, старался нагнать на меня жути.

– Что скажешь? Не расстроена? – поинтересовался Ло, застряв в очередной для города Мехико автомобильной пробке. – Я о ближайших перспективах для тебя.

– Что я могу сказать? – тянула я с ответом, находясь на волне приподнятого настроения и мыслей о таинственных развалинах. – Если верить мексиканцам, то у них три основных символа страны: сомбреро, изумительные пляжи и, конечно, знаменитые пирамиды майя. Жаль, мы едем не на пляж и у меня нет сомбреро, а развалины – далеко не пирамиды майя, но, может быть, мне повезет и я стану первооткрывателем чего-то важного именно на развалинах?

Вместе с Ло я рассмеялась, арядом, в медленном потоке, измученные пробками автомобилисты, словно сговорившись, принялись выказывать недовольство злобными взглядами.

Мы не могли умерить наш пыл и продолжали потешаться, но теперь поводом служили недовольные физиономии.

После Ло заговорил о моем бесстрашии. Я принялась сыпать примерами из жизни, превращая рассказ в хвастовство. Ло решил проверить, правду ли я говорю, и предложил рассказать, как был освящен храм, ныне стоящий в развалинах. «Ну, слушай, раз ты не впечатлительна», – начал он. По его словам, это выглядело так. После возведения храма по его четырем углам поставили колья, на которые насадили военнопленных. Кровь, стекающую с кола, смешивали с глиной и ею обмазывали пол и землю вокруг храма. Индейцы посчитали, что подобным образом они заставят такое здание стоять вечно, потому как оно охраняется духами жертв, умерших в мучениях.

Под конец я не выдержала и сдалась. Попросила Ллойда поменять тему и рассказать о предстоящей учебе. Ло устроил мне маленький ликбез, а я получила возможность рассмотреть его лучше. Хотя внешне он для меня и так был знаком.

Когда я в первый раз увидела на обложке журнала фотографию очень молодого актера Зака Эфрона, я впервые почувствовала, что значит находиться вне себя от ощущения симпатии к противоположному полу. Его улыбка той самой стрелой амура пронзила мое сердце, после чего я увлеклась любовными романами. Читая их, я каждый раз сталкивалась со своим бессилием и неспособностью понять, что же такое настоящая любовь. Мне не было понятно, где та грань, после которой чувства сильной симпатии, страсти, безумной влюбленности перерастают в настоящую любовь. Неизменно все заканчивалось во мне множеством вопросов и желанием найти на них ответ. Так или иначе, но новое вспыхнувшее во мне чувство я с девичьей непосредственностью расценивала как проявление моей любви к нему. Наверное, иначе и не могло быть. Многие называют его новым секс-символом, но я полюбила его не за это. Он как нельзя лучше вписывался в мое представление о жизни, сформированное под воздействием глубоко верующих родителей. Помимо того, насколько Зак Эфрон симпатичен, улыбчив, он еще и положителен: не пьет, не тусуется по клубам и не употребляет наркотиков.

Конечно, мне приходилось скрывать чувства от родителей. Для них слово «любовь» – святое, а святое никак не распространялось на актеров, мнение о которых уже давно сформировано в наших головах. Лишь однажды у меня состоялся с ними разговор (если его можно так назвать) на эту тему, где меня не спрашивали, а только высказывали свое мнение. Папа увидел в моих руках журнал и обратил, вероятно, внимание на то, каким взглядом я его читала. На следующий день, после того как и они прочитали статью, родители попросили меня думать о

другом, но не об интервью в журнале, где затрагивается тема секса. Мотивировка была проста – рано. В той статье Зак говорил о беседах с отцом на тему сексуальной жизни и припоминал, как обнаружил под Рождество в почтовом ящике коробку, заполненную презервативами, – их отправила его мама, когда увидела снимок в газете, где любимый сын покидает секс-шоп. Данная коробка была расценена мамой и как подарок к Рождеству, и как непосредственное проявление заботы о сыне.

Моим же родителям и в голову не пришло, чему я так умилялась: я влюбилась, и поэтому меня умиляло все, что было связано с Заком Эфроном.

Все-таки почему я сейчас думаю о Заке, посматривая на Ллойда? Я нахожусь в машине с ним, и кто в Ло мне более симпатичен? Бред какой-то! Мне захотелось перестать обо всем таком думать и я решила перебить рассказ Ллойда об учебе, излагаемый в шутливой форме:

– А как ты себя чувствовал в школе? Также с легкостью поражал знаниями?

Ллойд настолько понравилось мое обращение к нему, что его перемена в настроении была для меня неожиданна. Я не могла себе представить, что вопрос подобного рода способен заставить человека настолько преобразиться. Внешне он чуть ли не светился от счастья, а на лице наблюдалось довольство от вызванного интереса к нему.

Оказалось, Ллойд – бывший титулованный спортсмен и модель! Родившись в семье преуспевающего в нефтяном бизнесе отца, в школе Ло, по его же собственному признанию, являлся аутсайдером до тех пор, пока не занялся спортом. Ему надоело выслушивать шуточки по поводу его смазливой внешности. С приходом в спорт Ллойд рьяно принялся доказывать, на что он способен, и добился неплохих результатов. Но после травмы ему пришлось выбрать для себя другое хобби, им стал (в глубочайшей тайне от родителей) модельный бизнес для юношей. На самом деле Ллойд никогда не хотел заниматься модель-ным бизнесом, но когда его стали упорно – почти все его окружение – сравнивать с молодым актером Заком, Ло опять решил всем доказать, на что он способен как индивидуальность. И уж когда окончательно Ллойд разочаровался в модельном бизнесе, пробыв там полгода, он опять проникся учебой и сохранил это желание до сих пор.

Первый раз в жизни я слушала историю молодого человека. Ранее им неоткуда было взяться. Для меня происходящее с Ло было интересно: как он жил, о чем думал, о чем переживал. Слушая его рассказ о детстве, я поразились, насколько мы разные с противоположным полом: в том числе мы живем разными пристрастиями. Мне было интересно слушать и сравнивать.

Как и большинство девочек, где-то до трех лет я боялась буквально всех мужчин, кроме, конечно, отца и двух моих дедушек. Когда в дом ступала нога чужого дяди, я тут же залезала под стол, и если меня пытались оттуда вытащить, то закатывала несносные скандалы. Так случилось, что сегодня я впервые встретила с парнем наедине и немного растерялась. До этого у меня не было опыта уединенного общения с противоположным полом. Если не считать случай из детства. На празднике в доме моих родителей один из мальчиков признался мне в любви. В восемь лет, не зная, что ответить, я заявила: «Ну и что теперь?» Так и погасла первая неразделенная любовь.

И, конечно, я всегда представляла себе идеального мужчину. А однажды я встретила с идеалом. И мало того, наши встречи стали происходить каждые выходные, но втайне от него. Он об этом не догадывался. Мы встречались с ним, когда я приходила в церковь с родителями. Не знаю, способен ли Господь рассердиться в таком случае, но мои мысли частенько во время молитв были заняты не Им.

Он женат и работает с моим папой. Иногда отец восхищался молодым перспективным учителем, сидя за столом во время ужина, и это приводило меня в трепет. Он полностью отвечал моему представлению об идеальном мужчине, но я сдерживала чувства к нему, в том числе, когда оставалась одна в комнате. Встречаясь с ним в церкви, я всегда видела его с женой, и это

никогда бы мне не позволило открыть дорогу чувствам к нему. Все же, когда его сходство с моим представлением идеала вызывало во мне некую трепетную дрожь, я просто расписывалась в бессилии и любовалась им в минуты молитв.

Конечно, я не привязываюсь к деталям моего представления об идеале. И я могу встречаться с любым другим из них (ну, почти), но если в нем будут присутствовать эти черты, я просто потеряю голову. А как иначе, если он будет высокий? У него будут широкие плечи? Не перекачанные, а рельефные руки? На груди ни единого волоска (ну, он же идеал)! Он будет немного, лет на пять, старше меня и с чувством юмора, это вообще для меня самая сексуальная часть мужчины. И самым идеальным для меня станет, если он будет просто... моим.

Но какие бы у меня ни сформировались представления о мужчинах, при этом не имея опыта общения с ними, сейчас я испытывала счастье. Я давно чувствовала себя русалочкой, мечтавшей вырваться из глубины наверх, а с приездом в Мехико я поняла, что наконец-то начинаю жизнь на поверхности.

– Вот и наше прибежище, а на окраине – непосредственный приют.

По накатанной дороге мы въехали в небольшое по размерам селение. Мрачные серые дома с облупленной снаружи краской давно отслужили тем, кому были обязаны постройкой. Строения сильно устали и застыли над землей в неминуемом желании в скором времени полностью сползти вниз.

– А развалины храма далеко от этого места?

– Сейчас увидишь.

Ллойд свернул с улицы и остановился. Прямо перед собой, в отдалении, на пригорке, я отчетливо увидела часть уцелевшей стены, вокруг которой были хаотично навалены многочисленные нагромождения из камней, когда-то служивших храму наружными стенами и внутренними перекрытиями.

– Устрашающе? – поинтересовался Ло.

– Увлекательно, – ответила я, из любопытства продолжая смотреть на руины.

– А вот и наш «мозговой штурм», – сказал Ло, увидев кого-то в окне нашего приюта.

Ллойд подался из пикапа. Я тоже последовала наружу.

Из небольшого покосившегося одноэтажного дома в нашем пристанище, как окрестил селение Ло, выбежал смугловатый, довольно интересный молодой мужчина. С энергичной пружинистой походкой он вмиг оказался у нашего пикапа.

– Как долетели? – обратился он ко мне на «вы».

– Спасибо, хорошо.

– О, черт, а я и не поинтересовался! – укорил себя Ло, вытаскивая чемодан.

Я чувствовала себя немного растерянной в окружении двух мужчин, и мои щеки залились краской.

– Джэй, – представился он.

– Ануш.

– Красивое имя. Должно быть, восточное. Мое имя, как и я сам, – родом из Индии.

Его внешность была типична для людей индийского происхождения. При этом Джэй был красив.

– Имя христианское. Мои предки родом из Армении.

– Вот и состоялось наше с вами первое знакомство. Предлагаю второе совместить с ужином.

В ответ я лишь улыбнулась. Еще ни разу я не находилась в пути так долго, и это давало о себе знать.

– Пойдем! Покажу твою спальню, – предложил Ллойд.

– Охотно. Хочется привести себя в порядок после долгого перелета.

Помещение внутри оказалось весьма уютным. Жилище дочери учтиво одолжил глава местного населения на время наших работ.

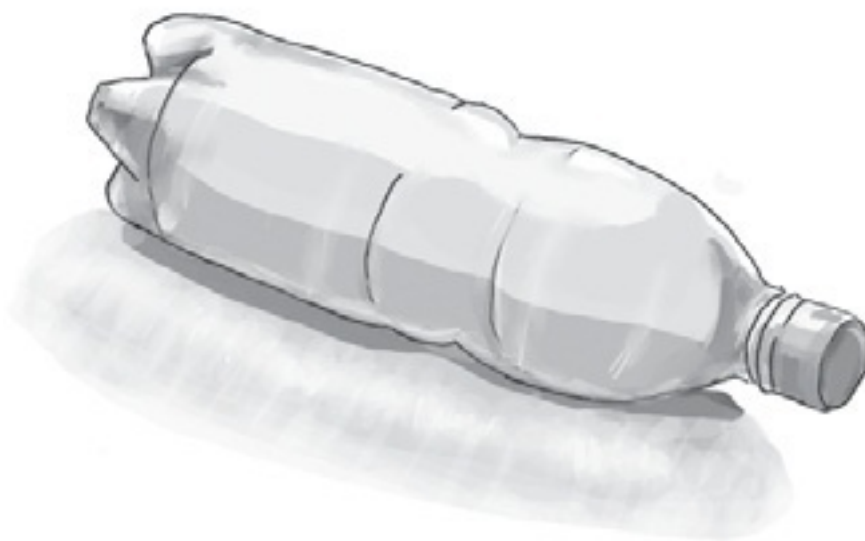
«Купание» в прохладной воде при помощи ковша, вкусная местная еда и (ввиду отсутствия электричества) ужин при свечах сделали свое дело. Мне сильно захотелось спать. Продолжать разговор за столом в таком виде я не была в состоянии. Это деликатно подметил Джэй: предложил всем лечь пораньше. Мотивировал просто – на завтра у нас много работы. Мы разбредлись по спальням. Какое-то время я еще лежала в кровати, осчастливленная свободой да еще и неожиданным знакомством, пока не уснула.

Глава четвертая (стр. 34)

Западня

Утром мне пришлось изрядно трудиться около минуты, чтобы открыть глаза и понять, где я нахожусь. Разница во времени наложила на меня отпечаток.

После утренних процедур, связанных с умыванием при помощи того же ковши, и недолгих сборов я не обнаружила никого. Когда не нашла у дома и пикап, решила позавтракать. К утру у меня проснулся аппетит. Я съела больше, чем вчера за ужином.

Прямо с улицы Ллойд буквально влетел на кухню.

– Вот и девушка Ануш выпалась, – радостно произнес он, часто дыша.

– Ты чем так радостно переполонен?

– Тут такое дело, – начал Ло, явно собирая мысли в кучу. – В общем, Джэй в городе. Какие-то там бюрократические утряски то ли с какими-то документами, то ли с разрешениями. Утром он разбудил меня, коротко предупредил об отъезде и уехал до вечера.

– И теперь ты с таким придыханием?..

Ллойд отмахнулся. Этой же рукой он схватил кружку с водой и вмиг осушил.

– Ты спишь! Джэй уехал! Ну и я к развалинам!

– Не тяни, – попросила я, начиная подпадать под его безумную энергетику.

– Недалеко от того места, где проходили раскопки, я обнаружил вход. Ступеньки ведут вниз. Хочу взять фонарик, воды... Ты со мной?

От неожиданного предложения я пришла в смятение. С одной стороны, мне жутко хотелось, с другой...

– Собственно, почему бы и нет? – размышляла я вслух. – Раз там нет никаких ограждений, значит, не опасно.

Он нахмурил лоб.

– Причем тут ограждения? – изумился Ло.

– Ну... те, кто до тебя там был, в случае опасности дали бы знак в виде, не знаю, ограждений или таблички какой-нибудь...

– Я думаю, за очень-очень многие годы мы там будем первыми.

– Почему?

– Ты слышала, какой дождь был ночью?

– Ты знаешь, нет... – попыталась я вспомнить, – спала, как ребенок.

– А мне, знаешь ли, он мешал. А еще ливень помешал устойчивости камня. Его подмыло. Когда я забрался на большие валуны и присел на один из них, то он сдвинулся с места. Теперь там есть возможность протиснуться меж камней, и путь внутрь открыт.

– Может, лучше обождать Джэя?

– Конечно, лучше. Только он приедет поздно, и мы сгорим от нетерпения до утра. А так мы сейчас заглянем, узнаем что там, затем расскажем Джею об увиденном, после чего он сможет наметить более точный план работы на завтра.

– Ну... собственно... – продолжала сомневаться я, думая, что затея Ло может оказаться опасна, и пожала плечами.

– Ох, уж эти ваши девичьи предрассудки. Скажу академическим языком, как учили, и рассуди сама. Чтобы истинно познать древнюю историю, – он поднял указательный палец вверх, – нужно отказаться от современного мировоззрения, – Ло поднял палец выше, – и взглянуть в глубь веков глазами живших в те далекие времена, сопоставить увиденные сохранившиеся до наших дней предметы старины, и тогда мы получим более полный и верный взгляд на историческую действительность. А как мы можем увидеть, сидя тут? Ты можешь оставаться, меня же в университетском колледже учат принимать самостоятельные решения.

Последнее высказывание о самостоятельности явилось для меня весомым аргументом.

– Где там твои фонарики?

– Не пожалеешь! Иногда вся жизнь проходит, а так и не удается столкнуться с подобным – оказаться в роли первопроходца!

Ллойд аж завизжал от радости и метнулся к своей комнате.

С неимоверно сочной зеленью яркая местность, обласканная солнцем, вначале приподнимала мне настроение. Постепенно я переставала воспринимать окружающее. Путь к развалинам проходил по затяжному подъему. Когда я изрядно устала, нам необходимо было еще и взобраться по камням. После того, как буквально вскарабкалась наверх, я окончательно выбилась из сил. Попросив отдохнуть, по взгляду Ло я поняла, насколько ему не терпится идти дальше, и решила не настаивать на своем.

Ллойд снял рюкзак, чтобы не цепляться им о выступы, одной рукой прижал его к себе и начал аккуратно протискиваться меж камней. Он ступал осторожно, ощупывая ногой каждое устойчивое нагромождение для опоры. В конце узкого тесного лаза он прыгнул и повернулся ко мне.

– Теперь ты! – крикнул он и от неожиданно звонкого эха присел.

Звонящий под руинами отзвук моментально породил во мне чувство сильного страха. Я оцепенела, на мгновение отчетливо осознав трагичность предстоящего. Мне захотелось спросить: «Может, не стоит?» Вместо этого, не оправившись от испуга, я молча посмотрела на Ллойда. В отличие от меня он, как ни в чем не бывало, продолжал чарующе улыбаться, его взгляд источал задор. Его желание продолжить знакомство с развалинами было настолько сильно, что могло заставить кого угодно довериться ему. Я не стала исключением, глядя на улыбающегося Ллойда, начала приходить в чувство и понемногу успокаиваться.

– Не спеши. И повнимательней, – попросил он полупшепотом и с заботой в голосе.

Его беспокойство меня тронуло.

Когда я добралась до него, Ло бережно снял меня сверху и осторожно поставил рядом с собой. Он пошатнулся, но устоял, и мы оказались совсем близко друг к другу. Я уловила его дыхание, почувствовала сильные руки и в невольном объятии мы застыли на секунду.

– Давай быстрее включим фонарики, – попросила я, непонятно от чего испытывая дрожь: или от первого в жизни соприкосновения, или от предстоящей неизвестности.

Ллойд одновременно нажал кнопки, сразу включил оба фонаря. У меня заколотилось сердце. Я старалась дышать тихо и усиленно вслушивалась в тишину. Мне казалось, я сейчас способна уловить любой шорох. Поначалу после яркого солнечного света трудно было что-нибудь разглядеть, хотя фонари светили довольно мощно. Постепенно глаза свыклись с темнотой, которую продолжал тревожить луч света.

Мы находились в небольшом круглом помещении, в одном из немногих на земле, которые пощадило время. Здесь неплохо сохранились и потолок, и многочисленные высеченные из камня фигурки, похожие на змей и на человекообразных животных. В верхней части стен, в перекрытии потолка, кричаще изображалось подобие огня и жертвоприношение. Благодаря Ло луч света последовательно пробегал вдоль стен, освещая изысканно исполненные скульптуры и фрески. Древнее творение сохранилось на удивление хорошо.

– Попробуем немного спуститься? – спросил Ло полупшепотом.

Ровно по центру помещения находилась дыра, куда уходила винтовая лестница.

– Идем, если мы уже здесь, – согласилась я и добавила: – Но не далеко.

Ллойд передал мне один фонарик. Я шла очень близко к нему, выверяя каждый шаг.

По винтовой лестнице мы спустились немного ниже и оказались на небольшой площадке. Далее вниз уходили узкие, вырубленные в скалистой породе три тоннельчика со ступеньками: и прямо, и справа, и слева. Они выглядели, словно в зеркальном отражении.

– Выбирай! – тем же полупшепотом, но торжественно, сопроводив слово жестом, предложил Ло.

– Не юмори, пожалуйста, – попросила я негромко, еле-еле справляясь со страхом. – Давай прямо, и это будет наша конечная точка.

– И мы больше отсюда никогда не вернемся, – с напыщенно грозным видом, но тоже полупшепотом, произнес Ллойд.

– Я же попросила?!

– Извини!

Мы спустились на шесть ступенек и оказались в еще меньшем пространстве, нежели прежде, и с теми же тремя тоннельчиками, ведущими вниз.

– Ну, давай опять прямо, – предложил Ло.

Я направила фонарь туда, откуда мы сейчас спустились. Прежняя площадка виднелась, чего-то особенного там я не увидела. Ло улыбнулся и кивнул мне, приглашая идти дальше. Мы спустились опять прямо и опять ровно на шесть ступенек. Повторилось то же самое: небольшая площадка, от нее прямо, направо и налево три ответвления вниз.

Теперь уже не советуясь со мной, Ло повернул налево. Я последовала за ним. Но и тут оказалось то же самое – по шесть ступенек вниз и три тоннельчика. Мы пошли дальше. Ло начал испытывать судьбу, поворачивая в разных направлениях: шесть ступенек вниз – направо, шесть ступенек вниз – налево, шесть ступенек вниз – прямо.

– Постой! – спохватилась я в панике. – Мы же не запоминаем, куда идем!

– А зачем?

Ошарашенная ответом, не отвечая, я смотрела на него обалдевшими глазами.

– Женская логика, – усмехнулся он. – Принцип возвращения прост: каждый раз поднимайся вверх по лестнице, и ты окажешься наверху.

Страх породил во мне замешательство и от этого мне стало неловко.

Ло настаивал на том, чтобы идти дальше. Так как проходы короткие, небольшие, в них мне несколько уютней, нежели в большом помещении наверху, и я согласилась. Далее, спускаясь на шесть ступенек то прямо, то вправо, то влево, все повторялось. Я не выдержала неразберихи и рукой коснулась плеча Ло. Он остановился. Как и пару минут назад, сейчас мы стояли на однотипной площадке, но значительно ниже.

– Ллойд, такое чувство, что это никогда не закончится. Давай подниматься, а сюда вернемся завтра с Джэем.

– Но мы столько спускались и, скорее всего, пришли. Еще немного.

– Ло, пожалуйста. Я не в такой степени спортивна, как ты. Ты помнишь, как я устала, поднимаясь к развалинам?

– Хорошо, хорошо, – согласился он миролюбиво. – Я только поставлю отметку. Так, на всякий случай. Вдруг мы завтра снова попадем именно к этой площадке, – Ло огляделся, выразительно поднял плечи и добавил. – Просто до жути интересно, что это значит?!

Прорезиненным краем фонаря Ло нашаркал полосу на стене.

Мы глотнули воды и начали подъем. Я пошла первой. Пройдя шесть шагов вверх, на площадке я остановилась и замерла. У меня задрожали колени.

– Ануш, тут опять надо наверх. Что ты? – говорил он, стоя за мной, на нижних ступеньках.

– Посмотри.

Я подвинулась, и Ллойд смог подняться ко мне. Поравнявшись, он поочередно осветил два тоннельчика. Ступеньки, как и те, по которым мы поднялись, уходили вниз.

– Как такое может быть? – сконфуженно спросил меня Ло.

– Ллойд, мне это не нравится.

– А кому такое понравится?

– Ло! – я сорвалась на истерику и в то же время старалась приглушать голос. – Я же просила?! Оставь иронию! Мы уже давно не в тех условиях, чтобы шутить!

Ллойд обхватил меня и крепко прижал к себе:

– Тихо, тихо, тихо.... Где-то должен быть выход. Так не бывает. Если есть вход, обязательно будет выход.

Мое сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет. Я озиралась на ступени и переводила взгляд из одного прохода в другой, совершенно не понимая, как такое может быть.

– Ануш, мы сейчас пойдем....

– Нет, Ло, обожди! Надо что-то придумать!

– Ануш, все будет хорошо.

– Не говори мне этого, ты....

Ллойд коснулся моей щеки ладонью и по другую сторону лица прижался щекой. Я ощутила его мягкую ладонь и щеку. При соприкосновении меня захлестнули эмоции. Точнее, я впервые соприкоснулась с неведомыми доселе чувствами. Совершенно другая – позитивная – эмоция усиливалась, и она постепенно вытеснила мой страх, граничивший с истерикой. Я немного пришла в себя, и дрожь утихла.

– Извини, Ло. Я знаю, ты этого не хотел. Этого вообще никто не мог предположить.

Он оставил мои щеки и посмотрел в глаза. Потом осторожно придвинулся ко мне. Мы соприкоснулись носами, и он забавными движениями потрепал меня носом, чтобы приободрить.

– Не говори мне ничего. Знаю, все будет хорошо, – сказала я и улыбнулась.

Первое, что сделал Ллойд, – предложил оставить в работающем состоянии один фонарь. Затем мы спустились туда, откуда пришли, и снова поднялись. На обеих площадках ничего не изменилось: все те же тоннельчики вниз.

С новой верхней для нас точки Ллойд наугад выбрал направление, и мы начали спускаться, руководствуясь спонтанным выбором. Неожиданно Ллойд пришла в голову мысль снова подняться на предыдущий лестничный пролет.

– Ну, как такое может быть? – спросил Ло, ухмыляясь от недоумения, когда на предыдущей верхней площадке мы снова увидели три направления книзу.

Он быстро сбежал туда, откуда мы поднялись, и снова вернулся ко мне наверх.

– Мистика какая-то?! – продолжал Ло изумляться. – Словно какое-то провидение желает, чтобы мы шли только вниз.

– Интересно, – заговорила и я с усмешкой, находясь в каком-то отрешенном состоянии, будто происходящее было не со мной, – а если я пойду в одну сторону, а ты – в другую, тогда «провидение» тоже не позволит нам подниматься и сведет ли оно нас вместе внизу?

– Мне приятно, что, несмотря на твое же табу, ты иронизируешь. Но, я думаю, не стоит экспериментировать.

– Ты прав – не стоит. Давай уже просто пойдем вниз. Ну, должен же когда-то наступить конец. Я думаю, мы скоро достигнем цели, заложенной в этом лабиринте. Не путь же это в преисподнюю?

В эту секунду пирамида содрогнулось от невероятно тяжелого удара где-то там, сверху. Мы прильнули к стене и еще долго слышали гулкий звук. Он расходился по сторонам, вниз и сошел на нет где-то глубоко под нами.

Мы переглянулись.

– Что это могло быть? – еле слышно спросила я, чувствуя, как пересохло в горле.

– Не знаю. Точнее, боюсь увязать с предыдущим твоим вопросом, чтобы не накликать еще один удар.

Мы сделали по глотку воды. Как могли, перевели дыхание и совершенно бездумно пошли вниз.

– Стой! – сказал Ло и остановился сам.

Я так долго смотрела под ноги, что во мне притупилась любая другая реакция. Не среагировав вовремя, по инерции я толкнула Ло в спину, и ему пришлось спрыгнуть с последней – шестой – ступеньки. Звук от его подошв эхом раскатился в явно большем помещении, чем эти проклятые площадки. Я подняла голову.

Ллойд дополнительно взял второй фонарь и осветил пространство перед собой и над нами. Мы настолько привыкли к полутьме, что свет от обоих фонарей буквально озарил пространство.

Помещение, в которое мы вышли, по форме напоминало полость пирамиды внутри. Периметр платформы у пирамиды заняли 9 вытянутых больших саркофагов из камня, по центру возвышался самый крупный из них. Все они были закрыты толстыми плитами. В каждом углу располагалось по стеле. Тоже из камня, они изображали воинов. Стелы не стояли вертикально, а наклонялись вперед в странно напряженной и выжидательной позе: колени согнутые, толстые икры напряжены до предела, копья в руках упираются в платформу и с силой сжимаются кистью руки. Неумолимые квадратные лица с тонкими губами выглядели жестокими и безразличными, как камень, из которого их сотворили.

Больше здесь не было ничего. Лишь поразительным являлась совершенно гладкая по всему периметру поверхность боковых стен, высоко вверх сводившихся в острие пирамиды.

У меня появилось ощущение, что мы не одни.

– Это погребальная камера, – негромко, с опаской в голосе сказал Ло, но эхо настолько усилило звучание, что каждое произнесенное слово прозвучало громогласно.

Я сошла со ступеньки к Ллойд и плечом прижалась к его руке.

– Что это означает? – спросила я тихо, и эффект повторился.

– Именно в таком виде она изображена под тем рисунком, где указывалось место захоронения человека-сатаны.

Как только мы начинали говорить, невзирая на то, что старались делать это тихо, полость пирамиды заполнялась отчетливой речью.

– Ты не ответил. Что это значит?

– По тем рисункам, которые я видел на стене в городе майя, можно предположить, что прежде чем замуровать гробницу с телом человека с рогами, эти 9 каменных саркофагов заполнили останками жертвоприношений. В их число входили и дети, и девушки, притом умерщвляли их самым зверским образом.

Я вцепилась в руку Ло и до судорог сжала пальцы.

– А почему их так много?

– Каменных саркофагов ровно девять. По одной на каждую область царства мертвых. Так майя представляли себе загробный мир... Но, по их представлениям, это то место, куда они отправлялись после смерти, и тогда причем тут сатана?

– Ло, пожалуйста, не пугай меня, не говори загадками. Объясни толком.

– Не пугать не получится, если ты требуешь объяснений.

Я дернула его за руку:

– Говори же то, о чем знаешь.

Ллойд описал рисунки и пересказал выводы экспертного совета экспедиции. По его словам, эта погребальная камера находится под захоронением человека, продавшего себя сатане. Его энергию питает это пирамидное творение. Внутри каменных саркофагов, должно быть, лежат жертвенные останки. Умерщвляли жертв-мучеников зверским образом, для того чтобы их коллективное Чувство Сгущенной Вражды, полное мук, страданий, отчаяния, концентрировалось в подземном склепе и поднималось вверх. Рассказывая, Ло осветил верхнюю точку, и мы взгляделись в остроконечную верхушку пирамиды. Ллойд говорил, что чем выше поднималось Чувство Сгущенной Вражды, тем уровень ее концентрации становился сильнее, и благодаря этому остроконечнику энергия ровно по центру питала останки человека с рогатым черепом.

Мы продолжали всматриваться, когда я, трясущимся от страха голосом, спросила:

– Значит, прямо над нами бывшее место раскопок?

– Значит, так.

– Хоть место можно определить.

– А что это дает?

Я пожала плечами и задала вопрос:

– Может, это месть загубленных душ? Те, кто начинают путь вниз – доходят сюда без возможности выхода?

– Не могу сказать обратного. Могу лишь подтвердить – наши прежние попытки выйти отсюда не увенчались успехом.

Ло ушел в себя в задумчивости. Неспешно уложил в рюкзак один фонарь и тут же преобразился – поцеловал меня в щеку, как ребенок, повеселел и затараторил:

– Именно по пути вниз. Ты понимаешь, именно по пути вниз?!

В недоумении я развела руки.

– Ну, как ты не поймешь? Если ты собрался выйти из этого кошмара сил тьмы, нельзя искать выход по пути, ведущему вниз. Нужно выбирать иной путь. Тот путь, который предназначен для подъема наверх. Теперь ты понимаешь? У нас есть шанс!

– Понимаю. Есть. Но только если мы найдем другой путь.

– Обязательно найдем, если будем стараться. Может, это вовсе и не каменные саркофаги. Пойдем глянем вон тот, самый высокий.

Он указал рукой на один из них, расположенный ровно по центру платформы.

Я не разделяла радости Ллойда. Моя душа продолжала испытывать жесточайшее напряжение.

Ло продолжал внутренне радоваться, но перестал выказывать эмоции.

Не торопясь, мы пошли к высокому саркофагу, обходя другие. Все же тут особенный акустический эффект, при каждом шаге усиливались самые тихие звуки.

– Как такое можно соорудить под землей? – спросила я.

– Не знаю. Высокоразвитая цивилизация, инопланетное вмешательство или... бред, конечно, но, может, и Божественное послание?

С последним упоминанием задрожали стены, некий разъяренный рев пронесся по спирали над платформой и выбил из руки Ллойда фонарь. От падения он погас. Мы погрузились в темноту, а «рев», так же по спирали, унесся ввысь. В кромешной темноте я ощутила зловещую, с желанием устроить, энергию. Она обрушивалась на меня одновременно с четырех сторон. Я почувствовала, как на голове зашевелились волосы: на себе испытывала присутствие зловещих стел-воинов, которые, казалось, были готовы наброситься на меня из углов и растерзать.

Я зажмурила глаза и начала терять сознание. Медленно сползала вниз, когда рукой задела Ллойда. Он подхватил меня и не дал упасть. Вмиг все прекратилось: зловещая энергия исчезла, как если бы ничего и не происходило до этого.

В его объятиях какое-то время я стояла с замиранием сердца. В тот момент, когда тишина начала давить мне на уши, Ло пошевелился. Пирамида снова ожила звуками, зародившимися от движения Ллойда.

– Достану фонарь.

Он отпустил меня. По звуку я поняла, что Ло снял с плеч рюкзак. Я слушала его возню и боялась пошевелиться. После короткого щелчка вспыхнул свет, и мне пришлось зажмуриться. Свет мне казался слишком ярким. Когда я приоткрыла веки, то увидела, как Ло поднимает батарейки от другого – теперь уже разбившегося – фонаря. Затем он поводит лучом и внимательно всё осмотрел. Ровным счетом ничего не изменилось.

– Нам надо глянуть, что там внутри.

– Ллойд.

– Ануш, у нас нет другого выбора, – на этот раз Ло говорил строже. – Как и нет другого пути. Или давай сядем и будем сидеть?!

Мы подошли к центральному саркофагу. Видя раздражение Ллойда, я встала по другую сторону напротив него. Он положил фонарь на массивную верхнюю плиту саркофага, уперся в нее руками, в угол, и надавил, прилагая невероятные усилия.

– Она какая-то пятитонная, – продолжал он психовать и ладонью стукнул по плите.

– Давай я помогу?

– Бесполезно.

Ло поглядел в то место, куда ударил. Быстрыми движениями рук он очистил край плиты от вековой пыли. Нам предстал рисунок и некая запись.

– «И будут груды черепов и реки крови», – зачитал Ллойд и добавил от себя: – Именно так расшифрована подобная запись современными учеными.

– Что это означает?

– Называется, думай сама, – он явно терял самообладание. – Во время беседы в Кембридже тебя просили описать картину, которую бы ты нарисовала?

– Да.

– Что ты скажешь об этом?

Он кивнул на рисунок.

– Тут ужасы сплошные, что тут можно сказать?

– Посмотри внимательно, – он водил пальцами по отдельным фрагментам рисунка и раздраженно комментировал с иронией. – Вот тут нас ожидает вечный мрак, тут холод, там голод, здесь же злые духи одолеют наши хилые тела. Так что нам суждено погибнуть и мы уже никогда не обречем благодатной поверхности земли.

Мне показалось смешным сравнение поверхности земли с благодатью, потому что на земле, как я думаю, тяжело найти источник высшего блага, и я улыбнулась.

– Что? Смешно? Скажи мне, и мы посмеемся вместе.

Видя нервное состояние Ло, мне необходимо было ответить, но я решила сказать не о том, о чем подумала:

– Если твой комментарий к рисунку – это так и есть, то мы не попадем отсюда даже в благодатное царство мертвых.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга, осмысливая мое предположение, затем рассмеялись, как дети. Пространство заполнилось, наверное, непривычной для такого места веселостью. Это продолжалось недолго. Нам стало неуютно от столь задорного смеха. Мы враз замолчали и вновь уставились друг на друга.

Я взглянула на нижнюю часть рисунка. В том месте, где лежал фонарь, направлявший луч света в наклонную стену пирамиды, меня заинтересовали выпуклости. Я подняла единственный у нас источник света и пальцами принялась очищать плиту. К моим действиям подключился Ло.

Когда мы полностью очистили поверхность массивной плиты, взору явился весь рисунок, мелким орнаментом высеченный на поверхности каменной плиты. Он состоял из отдельных фрагментов, разбитых на квадраты, и каждый такой квадрат содержал последовательное изображение к предыдущему. Крупные части рисунка объединялись мелко вырезанными по камню ступеньками, которых было бесчисленное множество, но ровно по шесть в одном фрагменте. В верхней части рисунка мы узнали круглое помещение, откуда и начался наш спуск сюда.

– Ло, ты можешь пояснить? Здесь нарисован вход, – я указала вверх. – Мне хочется понять, нарисован ли выход, или здесь изображен один только путь вниз, то есть сюда?

– Так я тебе и расскажу все сейчас. Ты представляешь, что это, если это рук майя? Цивилизация майя настолько самобытна и загадочна, что сегодня история майя полна неразрешенных тайн!

– Я не прошу разгадать все тайны майя... Помнишь, ты говорил: чтобы познать древнюю историю, нужно отказаться от современного мировоззрения.

– Давай попробуем, – неуверенно сказал Ло, – возможно, нам удастся строить догадки и мы с тобой придем в восторг от чуда, созданного этим уникальным народом.

Я похлопала в ладоши, заполняя оглушительными хлопками пирамиду – Ты рано радуешься. Здесь, по-моему, кроме жертвоприношений, ничего нет. Майя вообще были помешаны на них. В порядке вещей было выращивать мальчиков специально для этого. И жертвы-то всегда приносились в дар богам, – Ло задумался и, видя мое недоумение, пояснил: – А тут, кажется, сатане. Весьма странно. Я бы сказал, неординарно. Хотя, кто знает, какой народ жил на земле того времени. Можно лишь предполагать, – Ло замолчал, а затем добавил: – Как и всегда.

– Ну, а зачем тогда ты говоришь о майя?

– А о ком мне еще говорить, если мы сюда прилетели из-за рисунков в городе майя?

Он уже не радовался догадкам, и я решила оставить его с расспросами.

Ллойд долго и внимательно смотрел на рисунок, ощупывал каждую деталь. То, о чем он заговорил, заставило меня еще больше занервничать. На рисунке были изображены жертвы, которыми задабривали сатану: нижняя часть рисунка изобиловала фрагментами преисподней. Ллойд предположил, что когда индейцы убили злое существо с рогами, то испугались сатаны, после чего началась серия жертвоприношений, во время которой умерщвляли не только воинов, но и мальчиков, и девушек.

В верхней части рисунка от круглого помещения (откуда начался наш спуск) вниз по спирали уходил к подземной пирамиде (помимо ступенек) еще и колодец в виде шахты. Судя по первым рисункам, в колодец вначале сбрасывали воинов и мальчиков. Бедняги катились по спиралевидному колодцу и вряд ли оставались живы к концу пути. В самой пирамиде четыре воина, похожие на тех, что сейчас стояли по четырем углам, заполняли жертвами крайние восемь каменных саркофагов, кроме большого саркофага по центру. Его черед пришел, когда крайние были заполнены. Для чего и стали приносить в жертву девушек.

История с девушками занимала центральное место рисунка. На площади собирался народ. Среди местного населения выискивали, вероятно, красивых из них, устраивая подобию конкурса красоты, где и выбирали «избранницу сатаны». Девушку обнажали, усаживали в закрытый катафалк, украшенный цветами, и под вой рогов и бой барабанов процессия отправлялась к круглому помещению. По прибытии на место катафалк открывали, выводили жертву, далее, как предположил Ло, дрожащую от испуга «избранницу сатаны» обводили вокруг храма для того, чтобы сатана увидел прелести невесты и по достоинству мог их оценить. После чего ее одевали в свадебный наряд, осыпали лепестками роз и бросали вниз. Кувyrкаясь, она падала к пирамиде в подземелье.

С окончанием ритуала начиналось всеобщее ликование, или, по словам Ло, гуляние на «свадьбе сатаны». Такие «свадьбы» продолжались одна за другой, пока не заполнился девятый саркофаг.

Ллойд замолчал и посмотрел мне в глаза.

Меня затрясло от подробностей, захотелось во что бы то ни стало выбраться из этого ада под названием «погребальная камера». Я выхватила из рук Ло фонарь и с ним уткнулась в нижнюю часть рисунка, где по центру в адском огне высечены 9 прототипов чудовищных саркофагов из камня. Ничто тут не напоминало о выходе. Но я вплотную прильнула именно к ним. Для меня девять саркофагов оставались единственной надеждой. Мне хотелось найти вокруг них ну хоть что-то, напоминающее о «выходе». Потому что все изображенное на рисунке сводилось к девяти каменным саркофагам как символам жертвоприношений, а их очертания на фоне общего рисунка смотрелись более выпуклыми.

Дотронувшись до них, я почувствовала покалывание в подушечках пальцев. Из-за безысходности я не отдернула руку и, более того, даже не испугалась; я принялась более тщательно оттирать краем футболки выпуклые силуэты саркофагов. Очередь настала того самого, девяттого, обособленного в центре, где и стояли мы. На ощупь он оказался теплым. Немного потеряв его поверхность, я увидела сверкание. С азартом очистила до конца и с фонариком приблизилась вплотную. От выпуклого силуэта точным и ровным столбиком света отошел слабый лучик и уперся в наклонную поверхность пирамиды. Я отвела фонарь, и луч исчез.

Теперь Ло в азарте выхватил из моих рук фонарь. Он испробовал несколько вариантов с углом освещения. Мы убедились в том, что исходящий от копии саркофага луч сохранял одно и то же направление и не становился более мощным.

Ллойд вложил в мою руку фонарь и попросил меня подсвечивать саркофаг. Сам он подобрал с платформы прорезиненный кусок корпуса от разбившегося фонаря, резво заскочил на рисунчатую плиту этого девятого саркофага и не смог дотянуться до настенной плоскости

пирамиды: ровно к тому месту, куда упирался лучик. Ло проделал несколько попыток, чтобы сделать отметку на стене, но так и не смог. Отчаявшись, он опустил руки.

– Может, и правда, Ло, кто-то не хочет, чтобы мы выбрались отсюда? – произнесла я тихим, уставшим, отрешенным голосом с внутренним смирением к происходящему.

Стоя на каменном саркофаге, Ло повернулся в мою сторону. В это же время я прочитала ужас на его лице. У него округлились глаза, отвисла челюсть, и он замер с открытым ртом. Я лишь понимала – это «что-то» или, не дай бог, «кто-то» находилось позади меня. Колющий холодок пробежал по спине. От охватившего меня ужаса я почувствовала на голове каждый волосок. Мое тело пронзил озноб.

Ло не шевелился, он даже не моргал. Я же буквально остолбенела от страха и не могла говорить: у меня словно пропал дар речи.

Пауза тянулась, а за моей спиной ничего не происходило. Я решила, что если суждено случиться плохому, то пусть я увижу, в чем дело. Ватными по ощущению ногами, цепенея от страха, словно каменная глыба, я начала медленно поворачиваться.

Глава пятая (стр. 55)

Пленение

За спиной я не увидела ничего. Меня осенило – это очередная и, на мой взгляд, дурная шутка. Я повернулась к Ллойд, готовая наброситься на него. Но парень продолжал стоять, и его вид не казался наигранным. Я опять повернулась к Ло спиной. Пребывая в напряженной растерянности, я попятилась вдоль саркофага к нему, задела рукой его ноги и тут же их обхватила.

– Лл... Ллойд, скажи, что происходит?

– Воин, – коротко ответил он.

– Что воин?

– У воина слева нет копья в руке.

Я тоже совершенно точно помнила, что все четверо одинаково держали копья. Трясущейся рукой я осветила статую. Воин находился в прежней позе, а его копье лежало на массивной верхней плите соседнего с ним каменного саркофага. Я перевела луч на другого воина, затем осветила остальных двух. У всех троих ничего не изменилось – копья находились в их

руках: упирались в платформу, и каждая статуя с силой сжимала копьё кистью руки. Удивительно еще и то, что в пирамиде каждый шорох хорошо слышен, а удар копья о камень должен был бы нас оглушить, но мы не слышали падения копья.

– Много пишут о том, – выдавила я из себя, – что в присутствии охранителей не должно вершиться никакого бесчинства. А вторгнуться к ним, как известно, первейшая тому причина.

Ло дернул ногой, и я убрала руки. Он чуть ли не крадучись подошел к краю. Мне бросилось в глаза, как его подошва опускается на выпуклое изображение девятого саркофага на рисунке. Ллойд присел и, оттолкнувшись ногами, спрыгнул на платформу. В момент толчка из-под его подошвы в воздух взметнулся фрагмент девятого саркофага. Он пролетел мимо меня и с оглушительным лязгом шлепнулся в верхней части рисунка. Мне пришлось на время оглушающего звука ладонями закрыть уши.

С фонариком в руке я подошла к месту падения, пришедшее точно на изображение круглого помещения. Прямоугольный по форме, он приземлился внутренней частью вверх. С этой стороны он походил на амулет, центр которого занимала голова. Она настолько доминировала на рисунке, что изображенное на заднем плане не воспринималось никак. Вид головы внушал боязнь и опасение: округлые, устрашающего вида, вселяющие страх глаза, казалось, были готовы наполниться самой дикой злобой и от этого в любую секунду засверкать. Выражение озлобленности на лице дополнял саблезубый оскал. Венчали агрессию рога. Они, готовые подавлять всех и вся, изогнулись навстречу Друг Другу, но, так и не встретившись, острыми концами воинствующе загибались вверх.

Я взяла амулет в руки – теперь он был холодным – и подошла к его прежнему местоположению, где теперь зияла дыра.

Ллойд приблизился ко мне. Он отобрал у меня фонарь и, подсвечивая, достал из дыры полотно, свернутое в рулон, не менее полуметра в длину.

– Ллойд, мы не слишком далеко заходим?

– Если ты еще не заметила, то дальше идти нам все равно некуда.

Сарказм Ло мне был понятен, и я решила оставить его в покое.

Он взял из моих рук амулет.

– Точно такой же найден на груди останков человека с рогатым черепом. И таков же виду амулетов, изображенных множество раз на стене в городе майя.

Ллойд сильно сжал его пальцами. Всматриваясь в изображение по центру, спросил:

– Представляешь, как можно таким искуиться и продать душу сатане?

Он продолжал всматриваться, а я не отвечала. Ло оторвал взгляд и, почему-то усмехнувшись, посмотрел мне в глаза.

– Дай, – попросила я.

Он протянул амулет. Еще раз я посмотрела на изображение головы.

– Не знаю, – усомнилась я в подобном поступке, – за что вообще можно продать душу сатане. – Я пожала плечами и, глядя на амулет, добавила: – Если б я и искусилась, то любовью, но никак не этим.

– Вот ты и загадала желание.

– Ненормальный!

С обидой я вернула амулет обратно в его руку.

Не обращая на меня внимания, Ло развернул рулон и для фиксации полотна на край положил амулет. Полотно оказалось манускриптом с предсказаниями сатаны. Я слышала о многих предсказаниях, но подобное для меня явилось новым. Предсказания были написаны теми же иероглифами, что и древнеегипетская книга мертвых «*Рау ну нэрэт эм хэру*». Ллойду не составило труда прочитать первую строку. Начинался манускрипт словами: «Горе тому, кто попытается проникнуть в погребальную камеру! Неудержимое коллективное Чувство Сгущенной Вражды расправится с ним!» После этого Ллойд замолчал.

Меня поразило, насколько точно выводы экспертного совета экспедиции совпали со словами в манускрипте – Чувство Сгущенной Вражды. Я сказала об этом Ло, но он проигнорировал мои слова и продолжал читать про себя. Как показалось мне, теперь уже увлеченно. Хотя на мою просьбу читать вслух Ло ответил, что не может разобрать далее текст.

Я еще раз оглядела пирамиду и то, что в ней находилось. Для меня происходящее теперь предстало в ином свете. Удивительно, и это я заметила сейчас, после амулета меня покинул страх и, не ясно, почему, я перестала бояться этого пространства. Прочитанная Ллойдом строчка меня не напугала, напротив, она подогрела интерес к далее написанному в манускрипте. И, по-моему, «подогрела интерес» не только у меня одной, что наглядно демонстрировал Ллойд. Он продолжал усердно просматривать манускрипт.

– Я не уверен, Ануш, на все сто, – наконец-то заговорил Ло, не отвлекаясь от просмотра, – но если мы отсюда выйдем, то, похоже, это случится в результате сделки с сатаной.

– Ты говоришь загадками.

– А я и не могу иначе. Текст не написан моей рукой, и это не мои мысли, – ответил Ло, устало выпрямился и, обдумывая каждое слово, продолжил. – В мире вообще полно тайн, и не всегда можно различить, где заканчивается объективная информация и начинаются интерпретация и догадки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.